

работников соцвоса // Народное просвещение. 1927. № 4.

21. Худоминский П.В. Становление и развитие системы повышения квалификации учителей советской общеобразовательной школы. 1921–1931 гг. (На материалах РСФСР): дисс. ... канд. пед. наук. М., 1972.

22. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970.

УДК

372.893(091)''19''

ББК 4403(2)6-4

ГСНТИ 03.23.25

Код ВАК 07.00.02

Ю.Ю. Галкин, Е.А. Скотникова

Екатеринбург

**ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ И
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ В
1920-Е ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антирелигиозная пропаганда, образование, воспитание, история России XX века, советская школа.

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены проблемы становления «новой советской школы», ведения работы по борьбе с религией среди школьников. Рассмотрены изменения в преподавании истории в советской школе в 1920-е гг.

Y.Y. Galkin, E.A. Skotnikova

Yekaterinburg

**THE TEACHING OF HISTORY IN SCHOOLS AND ANTI-
RELIGIOUS EDUCATION OF PUPILS IN THE 1920S.**

KEY WORDS: anti-religious propaganda, education, history of Russia XX century, the Soviet school.

ABSTRACT: The article deals with problems of formation of the "new Soviet school" reference work against religion among schoolchildren. The changes in the teaching of history in the Soviet school in the 1920s.

Ни для кого не секрет, что «история учительница жизни...». Именно на учителя лежит львиная доля ответственности за будущие поколения. Вместе с тем сложно найти более ангажированную науку, чем история. И сколько бы не предпринималось попыток борьбы с «фальсификациями», история писалась, пишется и будет

переписываться победителями, служить обоснованием текущего момента. А набор изучаемых исторических фактов, тщательно будет подстроен под политические реалии.

Значит, и преподавание истории будет меняться согласно «текущему моменту». И здесь опять незаменим опыт прошлого. После Октябрьской революции большевики начали искать пути создания «нового человека», а создать его можно было, только воспитав в новой идеологии. В формуле воспитания человека новой формации не было места религиозным предрассудкам. Религия была провозглашена «опиумом для народа» и должна была исчезнуть, как пережиток прошлого. В искоренении религии и воспитании нового советского человека ведущая роль отводилась новой школе. В современной школе все больше внимания уделяется самостоятельности учащихся, практической значимости изучаемого исторического материала, умению пользоваться знаниями в повседневной жизни. А ведь именно эти принципы были положены в основу трудовой школы в 1920-е гг.

После прихода большевиков к власти прежняя методика преподавания истории, а также старые учебники были признаны непригодными для обучения подрастающего поколения. Опасаясь, что учителя будут использовать в обучении буржуазную историческую литературу, А.В. Луначарский и его заместитель М.Н. Покровский стали отрицать положительное значение систематического исторического образования (4). Так, М.Н. Покровский писал: «...та история, которая преподается во II ступени даже на рабфаках, выработана гуманистами XVI века, а мы до сих пор ее так и изучаем. Четыреста лет прошло! В то время такое разделение истории на древнюю, среднюю и новую было разумно, а теперь бессмысленно до ужаса!» (4)

Что же касалось школьного предмета истории, предлагалось вместо гражданской истории изучать историю труда и социологию. Начались революционные преобразования в области исторического образования: отказались от старого содержания, историю как учебный предмет заменили курсом обществоведения, в рамках которого остались отдельные элементы курса истории с новым отбором фактов и их марксистским освещением. А значит сугубо материалистическим и безрелигиозным (а позднее и подчеркнуто антирелигиозным).

ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о единой трудовой школе» в октябре 1918 г. Трудовая школа делилась на две ступени:

первая — для детей от 8 до 13 лет (5 лет) и вторая — от 13 до 17 лет (4 года). Устанавливалось совместное светское бесплатное обучение девочек и мальчиков.

Согласно данному документу в школе I ступени изучение элементарного курса русской истории начиналось с третьего года обучения. На последнем году вводилось изучение советской Конституции. Программы 1921 г. во главу всей работы во время бесед и на экскурсиях ставили изучение истории родного края — хозяйственной и культурно-бытовой сторон жизни людей.

В 1920 г. была сделана попытка ввести примерную программу по истории. С 1921 г. был введен курс обществоведения. Обществоведение было единственным обязательным предметом учебных программ 1920-х гг., все остальные варьировались (7. С. 43). Однако и в этом случае ситуация на местах сильно отличалась от того, что планировалось в центре. Рекомендательный характер программ в 1920-е гг. приводил к тому, что губернские и уездные отделы народного образования, в том числе на Урале, вынуждены были заниматься самостоятельным методическим творчеством. Например, в октябре 1922 года Екатеринбургским ГубОНО была создана комиссия из лучших педагогов города и профессоров Уральского университета. Составленные ею программы были одобрены и направлены в школы уральских губерний (1. С. 94). Аналогичную работу вынуждены были проводить уездные отделы народного образования и даже отдельные учителя. Разнобой и несогласованность местных программ, безусловно, мешали учебному процессу.

В 1923 г. отказались от предметного преподавания и стали работать по комплексным программам, просуществовавшим до 1931 г. История отечества в качестве отдельного курса до 1933 г. в школах СССР не изучалась. Исторический материал по отечественной истории давался в соответствующих разделах всеобщей истории. Не существовало учебников и пособий, основным источником знаний было устное слово учителя и самостоятельная работа учащихся (4). Почти на десятилетие история растворилась в школьных предметах, играя роль лишь вспомогательную в учебном и воспитательном процессе. Но школа стала новой, а люди не поменялись, так ли гладко обстояли дела с внедрением прогрессивных идей и растворением истории в других дисциплинах?

На деле же педагоги Уральской области критически, а порой и негативно относились к программам ГУСа и не спешили, а зачастую и не имели возможностей отступить от традиционных методов преподавания и подачи материала. Отчет УралОНО за 1925/26 учебный год указывал, что в осуществлении программ самым большим вопросом оказалась связь комплекса с привитием учащимся знаний и навыков. «Несомненно, – писалось в отчете, – преобладает предметное разделение дисциплин» (1. С.122).

Второй вариант школьных программ Государственного ученого совета, подготовленный в 1926 - 1927 гг., воспринимался частью педагогической общественности как следствие установки Наркомпроса РСФСР на «безрелигиозную школу». Так, М.В. Крупенина, известный педагог, в статье «Программы ГУСа в свете воспитательных задач школы» отмечала: «В самом деле, если первый вариант был перегружен обществоведческим и природоведческим материалом, то второй вариант, облегчая школу и учителя, чрезвычайно затруднял ему антирелигиозную работу снятием, например, комплекса «Небо и Земля»» (5. С.33).

Для I ступени (1 - 4 группы) программы представляли сплошной комплекс, отдельные предметы не выделялись. В программе для третьего года обучения (как в сельском, так и в городском варианте) подтемы «Быт деревни и ее организация» (сельский) и «Культурная жизнь города» (городской) касались вопроса «борьбы со старым семейным укладом, с религиозными предрассудками, с суевериями» (6. С. 40, 102). Отмечая «вредное влияние религии на здоровье» (6. С.41), программа призывала уделить внимание борьбе с «религиозными предрассудками» при усвоении подтемы «Охрана здоровья в семье в городе» (6. С. 91).

Таким образом, программы ГУСа 1927 г., делая акцент на материалистическое объяснение мира, крайне мало касались социальной роли религии и не ставили прямую задачу воспитывать активного борца с религией и церковью. Но условиям начавшегося наступления власти на церковь эти программы уже не отвечали, и некоторые руководители Наркомпроса и другие работники образования стали указывать на необходимость их редактирования.

В. Золотавин в «Просвещении на Урале» высказывался следующим образом: «Переходя к антирелигиозной работе школы, приходится только удивляться тому безразличию, с каким относятся

программы к этому важному вопросу[...]. На практике получается следующее: или работник занимается «творчеством», приводящим зачастую и совершенно к нежелательным выводам, или вовсе не включает антирелигиозного вопроса в свою работу» (3. С. 68). 14 февраля 1929 г. появилось циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», где Наркомпросу РСФСР предписывалось «взять более решительный курс по преодолению элементов нейтрализма школы к религии, выражающегося в так называемом безрелигиозном воспитании, поручив ему [...] разработав методы антирелигиозной пропаганды в школе, внести соответствующие поправки к программам школы» (10. С. 130). В мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов по докладу А.В. Луначарского «О текущих задачах культурного строительства» постановил «в школьных программах усилить моменты классового, интернационального и антирелигиозного воспитания» (10. С. 130). Проект программ способствовал, как указывалось в предисловии, воспитанию «нового человека-коллективиста, интернационалиста, антирелигиозника, материалиста» и был призван содействовать вовлечению детей «в борьбу и строительство» (10. С. 38-39).

Таким образом, несмотря на установки органов народного образования на протяжении 1920-х гг. вряд ли можно было говорить о насыщении обучения новым содержанием и переходе на новые формы в учебной работе. Школы, как и раньше, обучали только читать и писать. Этот факт признавался и партийным руководством области на совещаниях, посвященных проблемам народного образования (1. С. 125).

Комплексные программы, вводимые с 1923 года, определяли новое содержание образования и воспитания в школе, но вместе с тем, нарушали систематическое изучение учебного материала, затрудняли получение учащимися последовательных и глубоких знаний.

Новым было то, что комплексный метод впервые вводился в повседневную практику работы не отдельных экспериментальных школ, а всей начальной и средней школы РСФСР. В массовой школе комплексный метод так и не привился в связи с критическим отношением к нему учителей и населения, так же этому способствовал рекомендательный характер программ и планов НКПроса. Во многом это определяло тот факт, что в школах Уральской области широко

были распространены программы, созданные губернскими органами народного образования, которые носили конкретно-предметный характер.

Многочисленные трудности, связанные с обучением по комплексным программам, приводили к сохранению в большинстве школ, предметного принципа преподавания. Программы по обществоведению, изданные Наркомпросом РСФСР в 1923 году, в соответствии с программами ГУСа хотя и считались обязательными, требовали насыщения материалом по текущей политике, местными фактами. Партийные органы следили за выполнением этих требований. Так, в начале 1926 г. Нижнетагильский окружком ВКП(б) провел обследование преподавания обществоведения в школах округа, которое показало, что в процессе преподавания местный материал используется недостаточно, подчас не совсем удачно, вопросы текущей политики или вообще не рассматриваются или освещаются крайне слабо (9). Окружком потребовал от заведующих школами устранить недостатки в преподавании этой учебной дисциплины.

Аналогичную работу проводили и другие окружные и районные партийные органы. В принятых ими постановлениях было предложено переработать программу по обществоведению – сделать ее более доступной, сократить объем, увязать с текущими задачами РКП(б) (1. С. 159).

Учебные программы 1920-х гг. предусматривали введение обществоведения и политграмоты в учебный процесс не ранее второго класса начальной школы. В частности, учебный план школ I ступени Екатеринбургской губернии на 1924–27 гг. вводил такую учебную дисциплину, как обществоведение и выделял на ее изучение во 2 группе – 2 часа, в 3 – 3 часа, в 4 – 3 часа (1. С. 162).

В некоторых локальных программах, подготовленных на основе проекта программ 1929 г., достаточно широко представлен антирелигиозный материал. В программах школ I ступени Ирбитского окружного отдела народного образования в комплексной теме четвертого года обучения «Человек и Земля» примером последних успехов антирелигиозной работы являлось «взятие церковей под дома культуры». Предлагалось рассказать также о дальнейших задачах «безбожной работы» в местных условиях и определить участие в ней школы. По сравнению с наркомпросовским оригиналом он был даже расширен и конкретизирован (10. С. 207).

Однако повсеместно работу по усилению антирелигиозного материала в школьных программах организовать не удалось. Более того, возник разнобой в структуре и содержании основного нормативного документа школы.

Подводя итоги, можно сказать, что заметная научно-просветительская направленность преподавания в советской школе, безусловно, разрушала детскую религиозность, особенно при условии становления последней на основе наиболее архаических представлений, свойственных традиционной культуре (2. С. 49-53).

С другой стороны, специфически антирелигиозная пропаганда на уроках, выходящая за рамки естественнонаучного просветительства, в конце 1920-х гг. всё еще была редким явлением, а если и встречалась, то сплошь и рядом была малорезультативной. Причиной тому – низкая квалификация учительских кадров, неумение и боязнь касаться сложных мировоззренческих вопросов. Даже через несколько лет, по свидетельству представителя Урала в ЦС СВБ Козлова мало что изменилось: «Начинается антирождественская кампания, антипасхальная кампания, педагоги начинают бегать к нам, говорят: дайте нам докладчика [...] зададут мне какой-либо вопрос, я не отвечу» (2. С. 51).

Возникали и совершенно анекдотические ситуации. В 1929 г. несколько учеников школы-семилетки №1 г. Свердловска обратились на радио с требованием «стукнуть аккордом по башке» учителя Сыромятникова, который рассказывал им «всякие сказки про богов и чертей». В результате разбирательства оказалось, что педагог пытался заниматься на уроках антирелигиозной пропагандой, но «дети, очевидно, не поняли назначения урока» (11. С. 122).

Таким образом, можно сказать, что большое место в деле формирования нового человека, не связывающего свою жизнь и помыслы с религиозной совестью, отводилось антирелигиозной обработке детского и взрослого населения в 1920-е гг. Историки Е.М. Балашов и В.А. Шевченко обратили внимание на то, что антирелигиозному воспитанию в процессе преподавания в школе общественных и естественно-научных дисциплин придавалось особое значение.

В отличие от дореволюционного Закона Божия антирелигиозное воспитание и образование в 1920-е гг. не сосредоточивалось в отдельной учебной дисциплине, не имело чёткой

структуры и распределялось по отдельным направлениям путём разнообразных воспитывающих и образующих форм и приёмов педагогического воздействия в антирелигиозном ключе, и главное, через наполнение преподаваемых курсов (комплексов, учебных дисциплин) противоположным и отрицательным по отношению к религии содержанием. Кардинальный пересмотр содержания учебных дисциплин был по настоящему революционным в школьной политике 1920-х гг., в корне меняющим взгляд как на саму учебную дисциплину, так и на её место и роль в системе школьного преподавания.

В большей степени изменения коснулись гуманитарных дисциплин, наиболее приближённых к религиозным интерпретациям явлений жизни — истории, обществоведения, литературы, русского языка. Из программ этих дисциплин вырезалась религиозная основа.

История как школьная учебная дисциплина вообще попала в разряд нежелательных для изучения и её систематическое преподавание было упразднено. Заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский был инициатором изъятия из школы истории как отдельного предмета и введения в курс обучения обществоведения и политграмоты. Он считал, что религиозные верования в новом курсе должны объясняться как «невежественное истолкование материальных фактов» и как «орудие эксплуатации». «Марксизм должен явиться на смену старого религиозного мирозерцания» (8).

Легко убедиться в том, что религиозная ситуация в уральской школе отражала общий сложный и противоречивый характер эпохи. С одной стороны, дети школьного возраста отошли от церкви дальше, чем любые другие группы общества. Но в то же время, попытки еще более форсировать этот процесс встречались с объективными и непреодолимыми на тот момент препятствиями (2). Практика показала, что идея превратить школу в «локомотив» антирелигиозного движения была явно неосуществимой. Падение религиозности школьников осуществлялось лишь по мере общей секуляризации советского общества. Несмотря на то, что уровень религиозных убеждений в молодежной среде были всегда ниже, чем в прочих социальных слоях, он, тем не менее, был связан с общими показателями и служил их верным индикатором.

Источники:

3. Золотавин В. О программах ГУСа // Просвещение на Урале. 1929. № 4.

5. Крупенина М.В. Программы ГУС(а) в свете воспитательных задач школы // Коммунистическая революция. 1929. № 1.
6. Программы и методические записки единой трудовой школы. М.; Л., 1927. Вып. 1. С. 40, 102.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 597. Л. 38, 64, 186
11. Щепкин И. На штурм неба // Просвещение на Урале. 1929. №7-8.

Литература:

1. Бахтина И. Л. Сельская школа на Урале в 1920-е гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. 478 с.
2. Булавин М.В. Религиозность уральских школьников на рубеже 1920-1930-х гг. С. 49-53.
4. Калущая Е.К. Методика преподавания истории в 1920-е гг.: осмысление опыта прошлого в новых условиях // Преподавание истории в школе. URL: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/153> (дата обращения 20.02.2015)
7. Равкин З.И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921–1925 гг. М., 1959.
8. Синельников С.П. Антирелигиозные основы воспитания в советской школе в 1920-е гг. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/951787.html> (дата обращения 15.02.2015)
10. Шевченко В.А. Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927-1932 гг. : дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 263 с.

УДК 372.893

ББК 4426.63-2

ГСНТИ 03.23.25

Код ВАК 07.00.02

И.В. Даренская

Нижний Тагил